

КОМУ БЫЛО НАПИСАНО ПИСЬМО П. А. ВЯЗЕМСКОГО О КОНЧИНЕ ПУШКИНА

В 1879 году в „Русском архиве“. № 6. в серии писем кн. П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову („Письма кн. П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову из Петербурга в Москву 1831 -1838“, стр. 237—257) П. И. Бартеневым было впервые опубликовано письмо П. А. Вяземского от 9 февраля 1837 года о кончине А. С. Пушкина. Опубликовывая его, Бартенев оговорился: „Это письмо сохранилось в бумагах Булгакова не в подлиннике, а в списке и. может быть, писано и не к нему, но очевидно и несомненно оно принадлежит князю П. А. Вяземскому¹. С самого момента своего появления в печати письмо возбудило огромный интерес; на примечание же, вполне естественно, почти никто не обратил внимания, и письмо Вяземского от 9 февраля 1837 года стало известно в истории литературы, как „письмо П. А. Вяземского к А. Я. Булгакову“. Оно цитируется пушкинистами как таковое до самого последнего времени (см. многочисленные ссылки на письмо П. Е. Щеголева в его книге: „Дуэль и смерть Пушкина“, изд. 3-е, 1928 г.).

¹ „Русский архив“, 1879, № 6, стр. 247, прим. 20.

Между тем, несомненно, что письмо это, один из важнейших источников для истории последней дуэли Пушкина, в действительности никогда Булгакову не предназначалось. В самом деле, письмо Вяземского начинается словами: „Сейчас прочел я твое письмо от 3 февраля и спешу сказать тебе несколько слов в ответ. Понимаю твою скорбь и знал наперед, что ты живо почувствуешь нашу потерю. Чье сердце любило русскую славу, поэзию, знало Пушкина не поверхностно, как знал его равнодушный или недоброжелательный свет... может ли тот не содрогнуться от участи, постигнувшей Пушкина, и не оплакивать его горячими сердечными слезами?..“

Остафьевский архив князей Вяземских хранит четыре письма А. Я. Булгакова к П. А. Вяземскому, написанных им по поводу или в связи со смертью Пушкина, а именно, от 6, 11, 25 и 26 февраля. Письма от 3 февраля там не имеется. Что какое-то письмо было послано Булгаковым Вяземскому ранее 6 февраля, об этом свидетельствуют начальные слова письма Вяземского от 5 февраля: „Вижу из твоего нынешнего письма...“, а также говорит сам Булгаков в своих записках. К сожалению, текста этого письма мы не знаем. Однако, основываясь на дошедших до нас письмах Булгакова о Пушкине, можно с уверенностью сказать, что никакой „скорби“ по поводу его смерти Булгаков не выражал и никаких „горячих сердечных слез“ не проливал. Булгаков совершенно не понимал и не ценил Пушкина. В настоящее время все письма А. Я. Булгакова о кончине Пушкина, имею-

щиеся в Центральном архиве, опубликованы в журнале „Красный архив“, т. 33, стр. 222- 235. Вот что читаем мы там в письме от 6 февраля: „Как-то твоё здоровье борется с душевною занозою? И, брат! Поверь, что всё к лучшему! Пушкин, проживши ещё 50 лет. не принес бы семейству своему той пользы, которая доставила оной смерть его. А жаль, жаль!..“ Как далеки эти слова от той „скорби“, о которой упоминает Вяземский в своём письме! Но, кроме того, мы имеем прямое свидетельство самого Булгакова, что его первое письмо к Вяземскому по поводу кончины Пушкина было наполнено упреками по адресу последнего. Получив письмо Вяземского от 5 февраля и выражая Пушкину, как поэту и как человеку, свое порицание, Булгаков записывает: „Многие из сих рассуждений невольно вкрались в письмах моих к Тургеневу и Вяземскому. Это дало сему последнему мысль написать мне следующее длинное письмо от 5 февраля. Оно делает честь чувствам Вяземского, он хотел защитить память своего друга, но я останусь при моих мнениях...“ (Рукопись „Современные происшествия и воспоминания мои“, ч. VIII.) Понятными становятся после этих слов такие фразы письма Вяземского от 5 февраля, как: „Пушкин никогда не был *esprit fort*“ (выражение, которое употребляет Булгаков в отношении Пушкина)... „Стало быть, видимое им (Арендтом) было так убедительно, так поразительно и полно истины...“ „...Ручаюсь совестью, что нет тут лишнего слова и никакого преувеличения...“ Такого рода уверениями Вяземский хотел оградить па-

мать умершего Пушкина от Булгакова и ему подобных. Заканчивая письмо от 9 февраля, Вяземский пишет: „Современник“ будет издаваться нами и на этот год в пользу семейства Пушкина. Пришли нам что-нибудь своего“. Эти заключительные строки не могли быть обращены Вяземским к Булгакову, который никогда не был писателем в собственном смысле этого слова. „В нем при хорошем образовании и любви к чтению не было ни призвания литературного, ни авторского дарования“, — характеризует его сам Вяземский в своих „Воспоминаниях о Булгаковых“¹. Булгаков никогда и не печатался в „Современнике“. Незначительные произведения пера Булгакова появлялись при его жизни в „Сыне отечества“, „Московском телеграфе“, „Северной пчеле“, „Библиографических записках“.

Таким образом, анализируя текст начала и конца письма Вяземского от 9 февраля, не трудно прийти к выводу, что оно написано не к Булгакову. И действительно: Булгаков, целиком выписывая письмо к нему Вяземского от 5 февраля („Современные происшествия и воспоминания мои“, ч. VIII), нигде ни одним словом не упоминает о письме Вяземского к нему от 9 февраля. С другой стороны, Остафьевский архив дает нам совершенно определенное указание, что письмо это было послано кому-то другому. В Остафьевском архиве, в переписке Вяземского, сохранился второй список этого письма, в котором

¹ „Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземского“, т. VII, стр. 123.

после слов: „Так что с первого взгляда все доктора и особливо Арендт признали рану его смертельною по двум и более свойствам ее“ („Русский архив“, 1879, кн. 6, стр. 250, строки 10—12 св.), читаем: „Остальное найдешь ты в моем письме к Булгакову“.

Кому же было адресовано письмо Вяземского от 9 февраля? В 22-й книге „Старины и новизны“ (изд. в 1917 г.) были напечатаны письма Дениса Васильевича Давыдова. Среди них есть одно, помеченное 3 февраля 1837 года. Глубокою, искреннею грустью веет от него. „Милый Вяземский! — пишет Давыдов. — Смерть Пушкина меня решительно поразила, я по сю пору не могу образумиться. Здесь бог знает какие толки. Ты, который должен всё знать и который был при последних минутах его, скажи мне, ради бога, как это случилось, дабы я мог опровергнуть многое, разглашаемое здесь бабами обоего пола. Пожалуйста, не поленись и уведомя обо всем с начала до конца и как можно скорее.

Какое ужасное происшествие! Какая потеря для всей России! *Vraiment une calamité publique!* Более писать, право, нет духа...“

Личность Д. В. Давыдова (1789—1839) хорошо известна. Партизан, герой отечественной войны и талантливый поэт, Давыдов уже в 1816 году, 20 мая, избирается единогласно в действительные члены Общества любителей российской словесности, а вскоре после этого делается членом другого литературного общества — „Арзамас“, где получает прозвище „Армянина“. Чрезвычайно тепло и сочувственно отзываясь

о нем Вяземский в своих „Примечаниях к письмам Давыдова“ („Русский архив“, 1866 г., IV, стр. 898—903). Ему же посвящает он свое стихотворение „Д. В. Давыдову“ („Полн. собр. соч., т. III, LXXVII, стр. 128—130). Пушкин также смолоду знал Давыдова, ценил его и говорил, что Давыдов „дал ему почувствовать, что можно быть оригинальным“. В свою очередь, Давыдов горячо любил, „всегда единственного, родного его душе поэта“. Когда в 1836 году Пушкин начал издавать „Современник“, Давыдов стал сотрудничать в нем, помещая там свои стихотворения и прозаические статьи („Эпиграммы“, „Челобитная“, „О партизанской войне“. См. „Современник“, 1836 г., т. III, а очерк „Занятие Дрездена“ — т. IV).

Узнав о внезапной кончине Пушкина, Давыдов буквально был потрясен. Уже месяц спустя он писал Вяземскому: „Веришь ли, что я по сю пору не могу опомниться, — так эта смерть поразила меня! Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою подобно смерти Пушкина“. („Старина и новизна“, кн. 22, стр. 68.)

Получив письмо Давыдова от 3 февраля, Вяземский поспешил ему ответить длинным, хорошо нам известным, письмом от 9 февраля, закончив его просьбой к Давыдову принять участие в издании „Современника“ и прислать какое-нибудь свое стихотворение или статью для напечатания. Что прислал Давыдов и послал ли он что-нибудь „своего“, нам

неизвестно. В „Современнике“, вышедшем после смерти Пушкина, не имеется ни одного произведения Давыдова. Но мы знаем, что в V книге „Современника“ впервые появилось в печати стихотворение самого Пушкина, посвященное Давыдову „Тебе певцу, тебе герою“, которое Давыдов считал своим „l'œv'et d'immortalité“ и которое, переписав, он переслал Вяземскому в письме от 23 мая 1837 года.

Как же случилось, что письмо Вяземского, писанное и посланное Д. В. Давыдову, оказалось в списке у Булгакова и было опубликовано как письмо Вяземского к нему? На это дает ответ сам Д. В. Давыдов. В своем письме к Вяземскому от 6 марта того же года, он пишет: „Видя в обращении несколько описаний горестного происшествия с Пушкиным, между которыми и письмо твое к Булгакову, я не счел за преступление позволить списать Булгакову и одному из моих приятелей письмо твое ко мне, с тем однако ж, чтоб они не давали с него копий до твоего разрешения. Хорошо ли я сделал?“¹

Итак, по свидетельству самого Давыдова, письмо Вяземского к нему было списано у него Булгаковым, причем слова: „остальное найдешь ты в моем письме к Булгакову“, можно думать, как не представляющие для Булгакова интереса, при списывании были им выпущены.

¹ Несомненно об этом письме говорит О. С. Павлицева в письме своем от 7 марта 1837 г. отду, называя это письмо Вяземского письмом к Давыдову. См. „Пушкин и его современники“, вып. XII, стр. 107.

Письмо в копии при жизни А. Я. Булгакова хранилось в его бумагах, а после его смерти было передано сыном его П. А. Булгаковым П. И. Бартеневу, который и опубликовал его в „Русском архиве“ среди писем Вяземского к Булгакову¹.

М. Светлова

¹ Приношу глубокую благодарность М. А. Цявловскому, первому, с кем поделилась я своими сомнениями относительно достоверности письма П. А. Вяземского от 9/II—37 г. к Булгакову, указавшему мне, что одним из лиц, кому могло быть написано это письмо, был Д. В. Давыдов.

МОСКОВСКИЙ
ПУШКИНИСТ

II

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ
Под редакцией
М. А. ЦЯВЛОВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФЕДЕРАЦИЯ»
МОСКВА — 1930

lib.pushkinskiydom.ru